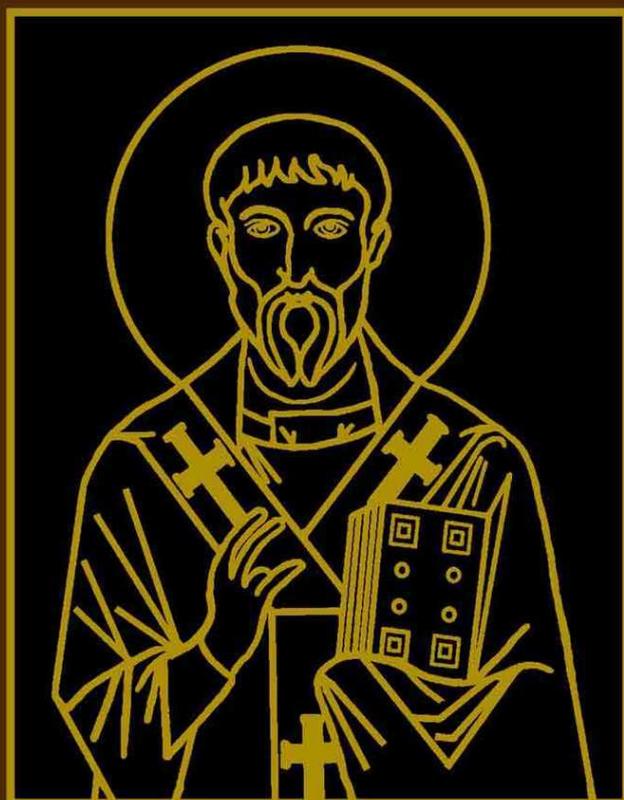

СВЯТИТЕЛЬ
ГРИГОРИЙ ДВОЕСЛОВ

ПРАВИЛО
ПАСТЫРСКОЕ

Григорий Двоеслов
Правило Пастырское

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

УДК 27-46
ББК 86.372

Двоеслов Г.

Правило Пастырское / Г. Двоеслов — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»,

ISBN 978-5-7789-0184-1

В одном из самых известных своих произведений святой Григорий Великий определяет, какие свойства должен иметь желающий посвятить себя пастырскому служению, показывает, каково должно быть поведение принявшего на себя пастырское звание, и рассуждает о том, как должен учить других истинный пастырь Церкви.

УДК 27-46

ББК 86.372

ISBN 978-5-7789-0184-1

© Двоеслов Г.
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви

Содержание

Предисловие[1]	6
Предисловие переводчика	8
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Святитель Григорий Двоеслов

Правило пастырское

*К 20-летию возрождения монашеской жизни на Московском
Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Святитель Григорий Великий (Двоеслов). Правило пастырское или О пастырском служении / Пер. с лат. Д. Подгурский. 3-е изд. Киев, 1874.
Издание исправлено.

Предисловие¹

В истории христианской гомилетики как теории или науки имя святого Григория Двоеслова († 604) следует тотчас же за именем блаженного Августина², и его «Пастырское правило», содержащее в себе так много полезных указаний для проповедника, должно стоять рядом с «Христианской наукой» Августина.

«Пастырское правило» писано Григорием на самых первых порах его епископского служения и писано в ответ на дружеские упреки, с какими относился к нему Иоанн, епископ Равеннский, по поводу его усиленных отказов от епископского служения³. Чтобы оправдать себя от этих упреков друзей, святой Григорий пишет сочинение, в котором показывает высоту и трудность пастырского служения, устрашающую всякого приближающегося к ней. С внешним поводом соединялась внутренняя потребность: вступив на кафедру епископа, святой Григорий, естественно, должен был подумать, где он и что он. И вот внутренние думы его пастырского самосознания вылились на бумагу и представили идеальные требования, какие предъявляет каждому должность пастырская. Эти думы отчасти выражены и в окружном послании его к епископам⁴, и в некоторых беседах.

«Пастырское правило» святого Григория Великого не посвящено исключительно проповедничеству, как не посвящена этому предмету исключительно и «Христианская наука» блаженного Августина, которая в первых трех частях говорит о способах толкования Священного Писания и только в четвертой части рассуждает о том, как найденный в Писании смысл излагать народу. «Пастырское правило» говорит о пастырском служении вообще, и прежде (в первой части) определяет, какие свойства должен иметь тот, кто хочет посвятить себя пастырскому служению, потом (во второй) показывает, каково должно быть поведение принявшего на себя пастырское звание, и наконец, только третья часть посвящена исключительно рассуждению о том, как должен учить других пастырь Церкви. В заключение присоединена четвертая, очень краткая часть, которая внушает пастырю и мудро учащему постоянную бдительность над собой, чтобы исцеляющий немощи и болезни других при успехе не увлекался гордостью и самообольщением.

Но мы не преувеличим дела, если скажем, что мысль об учительстве – главная, более других выдающаяся, мысль всей книги. Она составляет глубокий фон всего воззрения, раскрываемого святым Григорием, и прямо проторгается наверх даже в первых двух частях, где еще не начал говорить святой отец о тех способах, к каким должен прибегать пастырь при исполнении своего учительского долга. Оттого, между прочим, рассуждения об этих способах учительства, составляющие содержание третьей части, занимают собой две трети целой книги и вдвое более всех других трех частей, вместе взятых.

Сравнивая теоретические правила касательно проповедничества, заключающиеся в «Христианской науке», с гомилетической теорией, развитой в «Пастырском правиле», мы отдаем последней решительное преимущество пред первыми. В сочинении блаженного Авгу-

¹ Печатается по: Певницкий В.Ф. Святой Григорий Двоеслов – его проповеди и гомилетические правила. Киев, 1871. С. 299–303.

² Блаженный Августин (354–430) – знаменитый учитель Церкви IV века, оказавший огромное влияние на развитие богословской мысли на Западе. В основе его богословия лежит учение о Святой Троице, о грехах и благодати. Догматическими и преимущественно полемическими трактатами по этим вопросам он положил начало новому направлению богословской мысли, впервые выдвинув в богословской науке так называемые онтологические вопросы, то есть об отношении человека к Богу. – *Ред.*

³ S. Greg. M. *Regulae pastoralis Liber ad Joannem episc. civitatis Ravennae*. Prima pars. Patr. c. compl. T. 77. Col. 13; S. Greg. M. *vita*, auct. Paulo Diacon. n. 14. Joanne Diac. 50. 4. n. 73. P. c. c. T. 75. Col. 48, 224.

⁴ S. Greg. M. *epistol.* 50. 1. Ep. 25 ad Joannem, ep. const. et caeteros patriarchas. P. c. c. T. 77. Col. 468–479. Сокращенный перевод этого послания см. в «Воскресном чтении» (1849–1850 (13) № 32. С. 337–340).

стина собственно гомилетического очень мало. «Христианская наука» представляет первую попытку приложения обыкновенной риторики к церковному красноречию и скорее может быть названа риторикой христианской, чем гомилетической. Она рассматривает пастырское слово с отвлеченной, формальной стороны и главные основания своих правил заимствует из старой языческой риторики. Так, она указывает, согласно с Цицероном и другими риториками, три цели красноречия: учить, нравиться и убеждать – и развивает эти понятия; так, она говорит о слоге низком, умеренном и высоком и показывает употребление каждого из них. Правила, начертываемые «Христианской наукой» Августина, с одинаковой силой относятся как к светскому, так и к духовному красноречию, и новое, оригинальное по отношению к языческой риторике составляют у Августина одни примеры, которые он берет из Священного Писания и из отцов латинских – Киприана и Амвросия. Эти примеры подводятся у него под риторические законы, и подводятся часто довольно произвольно, и обсуждаются при этом довольно поверхностно и мелко. В «Пастырском правиле» нет внешней риторики в том виде, как она развита у блаженного

Августина: задача его шире и решение ее глубже, плодотворнее и самостоятельнее, чем у Августина в «Христианской науке». Тогда как Августин с запасом риторических правил в руках определяет внешние условия хорошего проповедного слова, Григорий хочет определить внутренние условия достойного проповеднического служения: он рассматривает проповедь вместе с проповедником, оттого картина, им представляемая, шире и содержательнее, чем у Августина: у Августина проповедь трактуется как вид красноречия, у Григория же проповедь есть обязанность пастыря Церкви. Отсюда здесь для гомилетики гораздо больше плодотворных указаний, чем у Августина. Недаром «Пастырское правило» долгое время было руководственной книгой для лиц, посвящающих себя пастырскому служению.

В книге, поставившей себе широкую задачу, частное дело проповеди не могло быть отмечено определенными и связными чертами. Идеал проповедника носится в мысли читателя пастырского наставления, но носится в образе неполном, рисуется той или другой отрывочной частной чертой. В этом отношении полноте представления не помогает и длинное рассуждение о том, как учить пастырю, встречаемое в третьей части, – не помогает потому, что оно, не рисуя цельного образа проповедника, подробно анализирует одну частную мысль: как применяться к слушателям проповеднику и, применяясь, разнообразить одно и то же учение, то есть как учить мужчин, как женщин, как юношей, как старцев, как бедных, как богатых и так далее. Между тем из внимательного прочтения книги, из сочетания в одно целое всех частных мест, касающихся проповедничества, рассеянных в книге, можно восстановить живой и полный идеальный образ, указать на который не излишне и полезно и в наше время, такое далекое от века святого Григория и такое богатое опытами предшествующих поколений.

Предисловие переводчика

Предлагаемое сочинение святого Григория Великого по содержанию своему озаглавливается обыкновенно «Правило пастырское» (*Regulae Pastoralis Liber*)⁵. В некоторых, впрочем, позднейших манускриптах и многих изданиях заглавие этой книги читается иначе: *О пастырской заботливости*, или *О пастырском попечении*, или же *О пастырском управлении* (*Liber Curae Pastoralis*). Поводом к последнему надписанию такового заглавия могло послужить самое начало этого сочинения с первых же его слов: *Pastoralis curae pondera* – *бремя* (трудности) *пастырского управления* или *служения* и так далее. Но первое надписание вернее, так как и сам автор в одном из писем своих к Леандру-епископу (*Lib.⁶ 5, epist.⁷49*), посылая ему это творение, называет сочинение свое «Книгой правил пастырских» (*Liber Regulae Pastoralis*). Такие же указания можно встретить и в других местах его же сочинений, например в письме 24 книги 12 к Иоанну, иподиакону Равенскому. Сводя сии заглавные надписания, мы нисколько не погрешим против содержания этого сочинения, озаглавив его так, как и озаглавили, то есть «Правилом пастырским», или *О пастырском служении*, каковое заглавие, по своему слововыражению, вполне соответствует и сущности дела, и требованиям русского языка.

Написана эта книга в ответ Иоанну, епископу Равенскому. Из ответного письма, которое служит предисловием, или введением, к самому сочинению и содержит в себе план всего сочинения, видно, что Иоанн упрекал святого Григория в том, что он хотел уклониться от этого служения.

«Правило пастырское» святого Григория Великого, называемого в нашей Восточной Церкви *Двоесловом* (от его *диалогов-собеседований* вдвоем с диаконом своим Петром), по поручению императора Маврикия переведено было на греческий язык Анастасием, епископом Антиохийским, но, к сожалению, перевод греческий утрачен. По свидетельствам соборов, это в точном смысле слова *Правило пастырское* признаваемо было на Западе настольной книгой для всякого священника и для всякого епископа. Так, на Маинцком соборе (*in concilio Moguntino*) в 813 году оно признано первой книгой после Священного Писания и церковных правил, необходимой для всего духовенства; на Реймском соборе (*in concilio Rhemensi*) в том же году оно читано было как руководство для пастырей; на Турском и Кабилонском соборах вменено в обязанность епископам читать и разумеать эту книгу и с ней сообразоваться; а по свидетельству Гинкмара Реймского (*in praefatione Opusculi 55 capitulorum*), каждый епископ при поставлении своем (хиротонии) брал в руки «Правило пастырское» святого Григория вместе с книгой церковных правил и клялся пред алтарем, «*ut ita servaret (canones et Regulam Pastoralem) in iudicando, vivendo et docendo, sicut ibidem descriptum est*», что он так будет хранить эти правила, и в мыслях, и в жизни, и в учении, как в них предписано.

На русском языке это сочинение святого Григория по частям было переведено в «Христианском» и в «Воскресном чтении», в целом же виде помещено в «Руководстве для сельских пастырей» за 1871–1872 годы.

Д. Подгурский

Посвящается

ПАСТЫРЯМ ЦЕРКВИ

Ut ita servarent (Regulam Pastoralem) iu iudicando, vivendo et docendo, sicut ibidem descriptum est.

⁵ До нас дошли 848 писем Григория Великого, заключающие в себе нравственные наставления и практические наблюдения и замечания. – *Ред.*

⁶ Liber – книга.

⁷ Epistola – письмо.

(Чтобы так мыслили, жили и учили, как в этой книге предписано.)
Hincmarus, Rhemensis Archiepiscopus, in praef. Opuscul. 55 Capit.
(Церковный писатель IX века.)

Не нарушая скромности и благорасположения ко мне, ты упрекаешь меня, возлюбленный брат, за то, что я, скрывшись, хотел было уклониться от принятия на себя многотрудного служения пастырского. Чтобы это служение кому-либо не показалось делом легким и мало-важным, я излагаю в настоящем сочинении все, что относится, по моему разумению, к трудности и важности оно́го. Этим хочу я предостеречь как тех, которые не вступили еще в звание пастырского служения, чтобы в избрании его не были опрометчивы, так и тех, которые необдуманно домогаются этого звания, чтобы на принятие оно́го смотрели со страхом и трепетом. В книге этой все рассуждение разделяется у нас на четыре части, дабы читатель мог с отчетливостью переходить от предмета к предмету шаг за шагом, как бы по ступеням лестницы, именно: чтобы каждый, кому обстоятельства указывают вступить на поприще пастырского служения, предварительно размыслил и надлежащим образом обсудил, каким он должен явиться на высоте этого служения; а достигнув оно́го законно, какую должен он вести жизнь во всю жизнь призвания своего; живя же достойно призвания, каким образом надлежит ему поучать паству свою; наконец, право правяще слово истины, с каким вниманием нужно ему ежедневно следить и за собственными немощами, чтобы ни высота его служения не была чужда смирения, ни образ жизни его не был в противоречии с достоинством сана, ни назидательность словесного учительства его не расходилась с назидательностью доброго поведения, ни учительство не увлекало его к гордости и самообольщению. Итак, прежде всего, пусть страх умеряет в нас стремление к пастырскому служению; потом, пусть прохождение этого служения, достигнуто́го без домогательств, оправдывается и самой жизнью пастыря; далее, необходимо, чтобы с добрыми качествами жизни пастырской приумножались и благие плоды устной проповеди между пасомыми; а в довершение всего нужно, чтобы пастырь размышлением о своей немощи обуздывал всякое самообольщение относительно своих совершенств, да не погасит их гордыня превозношения пред взором невидимого Судии! Атак как многие, подобные мне, невежды, не испытав себя, усиленно желают и домогаются учить других тому, чему сами не учились, и, не зная важности пастырского служения, считают его самым легким, то я постараюсь вразумить таковых в самом начале этого сочинения, дабы столь опрометчиво отваживающихся без всякого обучения овладеть священным местом учительства отразить у самых, так сказать, врат храма и остановить их дерзновение.

Часть первая

О том, что значит достойно приступать к пастырскому служению и как опасно домогаться его недостойным

Глава 1

Невежды да не дерзают принимать на себя звание пастырского служения.

Никто в мире не берется учить других какому-либо искусству, не изучив его сам наперед с самой тщательной подготовкой. Как же безрассудно поступают те, которые дерзают принимать на себя пастырское служение, нисколько не приготовившись к этому служению, между тем как управление душами человеческими есть искусство из искусств! А кто не знает, что душевные болезни сокровеннее и опаснее болезней телесных? И, однако же, часто случается видеть, что вовсе не знакомые с духовными правилами не страшатся выдавать себя за врачей душ, тогда как не знающие силы и действия трав и мазей не смеют выдавать себя за врачей телесных. Но так как теперь при содействии Божиим всякая уже власть нынешнего века преклоняется под иго веры, то вот и находятся люди, которые в самой Церкви святой под видом управления ею домогаются суетной славы и почестей: желают казаться учителями, стараются одни пред другими превзойти всех прочих и, как свидетельствует Сама Истина, *любят первые целования на торжисших, преждевозлегания на вечерах и председания на сонмищих* (Мф. 23,7,6; ср.: Мк. 12,38–39; Лк. 20,46). Но таковые люди по тому уже самому не могут достойно проходить служения пастырского, если они достигли его, что стремились к сему смиренному служению из одного тщеславия. Ибо и язык изменяет на кафедре тем, которые учат одному, а заняты бывают другим. На таких-то людей жалуется Господь, говоря чрез пророка: *Сами себе царя поставиши, а не Мною, начальствоваши, и неявиши Ми*⁸ (Ос. 8, 4); ибо те действительно царствуют от себя, а не по изволению Верховного Правителя и Вседержителя, кои, не имея потребных для сего талантов и не быв призваны свыше, но движимые одним честолюбием и страстью к преобладанию, не скажу: достигают, а – восхищают кормило правления. И Верховный Судия попускает им возвышаться, но не ведает их; потому что по допущению только терпит их, а приговором Суда Своего, конечно, отвергает их и не ведает. Так, некоторым, даже творившим чудеса во имя Его, Он скажет: *не вем вас, откуда есте: отступите от Мене еси делатели неправды* (Лк. 13, 27). Так же точно и неразумных пастырей обличал Он чрез пророков: *и держащий закон не ведеша Мя, и пастырие нечестоваша на Мя, не ведяще смысла, еси путем своим последоваши* (Иер. 2, 8; Ис. 56, 11). Здесь Сама Истина жалуется, что подобные пастыри не ведают Ее, свидетельствуя тут же, что и Она не ведает их и не признает начальства и власти не познающих Ее, потому что не ведающих яже суть Еэсподня не ведает и Господь, по засвидетельствованию апостола Павла: *ащели кто не разумеет, данеразумеает*⁹ (1 Кор. 14, 38). И надобно при этом заметить, что часто неведение пастырей вполне соответствует заслугам пасомых, так что хотя они, эти пастыри, собственно, по своей вине удалены бывают от Божия света, однако же, по праведному суду Божию, из-за невежества их должны бывают страдать и те, которые им последуют, составляя их паству. Посему-то в Евангелии и говорит Истина с учениками наедине: *оставите их: вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца аще*

⁸ Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома. – Ред.

⁹ Латинский текст: «si quis autem ignorat, ignorabitur» (а кто не хочет знать, тот и сам не будет познан) ближе к контексту речи.

водит, оба в яму впадется (Мф. 15,14). Потому же и псалмопевец не в смысле желания, а по обязанности пророческой взывает: *Да помрачатся очи их, еже не видети, и хребет их вьну сляцы*¹⁰ (Пс. 68, 24). Под очами тут разумеются пастыри, которые для того и поставляются выше прочих членов Церкви, чтобы все предусматривать и руководить ими; а хребтом названы те, кои последуют им с покорностью. Когда же потемняются очи, то преклоняется и хребет; потому что как скоро у руководителей омрачается свет Богопознания, то и последователи их, конечно, не могут не пасть под бременем грехов.

¹⁰ Вьну сляцы́ (церковнослав.) – навсегда скорчи, согни. – Ред

Глава 2

Кто жизнью своею не соответствует умственной подготовке, иначе – кто на словах хорош, но на деле не хорош, тот лучше не принимайся за бразды управления пастырского.

Есть и другого рода люди, которые тщательно изучают правила духовной науки и внимательно следят за умственным усовершенствованием себя в Боговедении; но жизнью своей разрушают то, что умом добывают: все поучения и назидания их, почерпаемые из одной теории, а на практике ничем не подтверждаемые, даже нередко в противоречии состоящие, мгновенно и бесследно проходят; таким образом, что проповедают они словами, то ниспровергают своими делами. И потому когда пастырь ходит по стремнинам, то что тут удивительного, если стадо, которое следует за ним, ниспадает в пропасть? Обличая такое пренебрежения достойное звание пастырей, Господь обращается к ним чрез пророка со следующими, между прочим, словами: *яко на блазей пажити пасостесь, и останок пажити вашей ногами вашими попираете, и устоявшуюся воду пиваете, и останок ногами вашими возмущаете, и овцы Моя попраишем ног ваших живяиху, и возмущенную воду ногами вашими пияху* (Иез. 34,18–19). И действительно, сами пастыри на доброй пажити пасутся и пьют чистую воду, когда они почерпают учение свое из чистого источника истины, разумно понимая его; но сию же самую пажить попирают и сию же самую воду мутят они ногами своими, когда порочной жизнью своей омрачают и позорят те святые правила учения, до которых стремятся возвыситься посредством созерцательного размышления. И вот попраишной ногами пастырей своих пажитью овцы их питаются и пьют возмущенную ими воду, потому что на подчиненных обыкновенно не столько действуют слова начальников, сколько примеры и дела их жизни. Пасомые алчут и жаждут чистого учения; но поелику это учение у пастырей их омрачено и опозорено их безнравственной жизнью, то они поневоле питаются гнилым хлебом и пьют грязную воду. Таковые-то священнослужители называются у пророка *пруглом* (мрежи, силок, тенеты) *строптивым* (ср.: Ос. 9, 8), которые соделались *в дому Израилеве* соблазном беззакония и нечестия (Ос. 6, 10). И никто в Церкви из членов ее не бывает столько вреден и пагубен для нее, как ¹¹ такие священнослужители, которые, живя дурно и уродливо, прикрываются именем и саном священным: ибо никто из пасомых не позволит себе обличать пастыря своего в пороках; а между тем пример слабостей его сильно может действовать на паству, которая из уважения к сану священнослужителя привыкает уважать грешника. О, конечно, эти недостойные пастыри с трепетом избегали бы такой тяжкой вины и ответственности, если бы чутким слухом сердца своего наперед вняли приговору возвещающей Истины: *иже аще соблазнит единаго от малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выш его, и потонет в пучине морстей* (Мф. 18, 6; см.: Мк. 9, 42; Лк. 17, 1–2). Под *жерновом ослячим*, конечно, надобно разуметь здесь круговращения наподобие мельничных камней (ворочаемых ослами) и вообще суетные заботы мирской жизни, а под *бездной морской* – тяжкое осуждение и наказание. Посему если кто, достигая священного сана, развращает других или словом, или примером в этом сани, то, без сомнения, лучше было бы и для него, и для других, если бы он такую жизнь свою земную проводил до смерти в ином месте и при иных условиях, а не в таком звании и на таком посту, где служит соблазнительным примером для других к оправданию и чужих слабостей чрез подражание: ибо если бы он один пал, не увлекая за собой других, то не столько был бы виновен, а потому и на Суде Божиим подлежал бы меньшему осуждению и наказанию.

¹¹ *пасетесь на хорошей пажити, а между тем остальное на пажити вашей топчете ногами вашими, пьете чистую воду, а оставшуюся мутите ногами вашими, так что овцы Мои должны питаться тем, что потоптано ногами вашими, и пить то, что возмущено ногами вашими?* – Ред.

Глава 3

О важности пастырского управления; и что пастыри не должны страшиться никаких несчастий в сей жизни, а, напротив того, должны опасаться обольщений суетного счастья.

Я слегка коснулся этого предмета, желая показать, как велика ответственность пастырского служения, чтобы недостойные не отваживались принятием его на себя осквернять священные обязанности церковного управления и вместо возвышения не подверглись падению. Посему-то апостол Иаков с кротостью и отеческой любовью воспрещает подобное домогательство, говоря: *Не мнози учителя бывайте, братие моя, ведяще, яко большее осуждение приимем* (Иак. 3,1); посему же и Сам Ходатай Бога и человеков, несмотря на то, что Он от вечности есть Царь неба и превосходит разумом и ведением всех небесных духов, избегал царствия земного, как в Евангелии о Нем сказано: *Иисус... разумев, яко хотят прийти, да восхитят Его и сотворят Его царя, отъиде наки в гору един* (Ин. 6, 15). И кто неукоризненнее и достойнее мог бы принять на себя начальство над людьми, как не Он, Который теми же и управлял бы существами, которые Сам создал? Но поелику Он пришел на землю во плоти для того, чтобы не только искупить нас Своими страданиями, а и научить Своих последователей примером Своей жизни, как жить должны мы, то и не восхотел быть царем, скорее же последовал добровольно на пропятие; от предложенной

Ему самой высшей почести земной уклонился, а возжелал быть преданным позорной смерти, чтобы и мы, как члены Его, научились от Него убегать от почестей царских и не страшиться напастей, возлюбить страдания за истину и со страхом уклоняться от суетного счастья, потому что это счастье мнимое часто от напыщенной гордости портит сердце человеческое, а бедствия в горниле скорбей очищают его. В счастии человек делается более или менее надменным, а в несчастий большей частью смиряется; при счастии он забывается, при несчастий же волей-неволей приходит в сознание себя; счастье нередко губит и добрые дела наши прежние, а несчастье удобнее покрывает упущения и заглаживает грехи многих протекших лет. Бедствия в сей жизни составляют лучшую школу для укрощения нашей гордости; а как только подымаемся на высоту почетных должностей, в то же время подвергаемся и опасности тщеславия, и гордости. Так, Саул, который, признавая себя сначала недостойным власти, убегал от нее, коль скоро принял бразды правления, тотчас и возгордился: ибо, желая пользоваться уважением в народе, он не захотел сносить публичных укоризн от того, кто помазал его на царство, и в негодовании *раздрал* на нем *ризу* его (см.: 1 Цар. 15, 17–27). Так и Давид, который, по свидетельству Самого Бога, почти во всем угождал Ему, когда прошли дни испытания его, вскоре впал в тяжкий грех, умертвив безжалостно и бесчеловечно мужа, к жене коего почувствовал преступную страсть; и тот, который прежде был милостив и снисходителен к самым злодеям, возымел потом дерзость в страстном омрачении посягнуть на жизнь мужа добродетельного (см.: 1 Цар. гл. 13, 14; 2 Цар. гл. 11; Деян. 13, 22). До того времени он не решался лишать жизни и гонителя своего, врага, который был в его руках, а после того во вред своему войску, находившемуся в опасности, велел умертвить и верного воина своего! И, конечно, за этот тяжкий грех он был бы отчужден от сонма избранных Божиих, если бы новые удары бедствий не обратили его на путь покаяния и спасения.

Глава 4

О том, что занятия многими делами по управлению нередко развлекают нас и отвлекают от самих себя.

Часто бывает и так, что многообразные заботы управления развлекают дух наш до того, что он при множестве дел не имеет возможности обращать надлежащее внимание на каждое из них. Посему-то Премудрый подает благоразумный совет, говоря: *Чадо, деяния твоя да не будут о мнозе* (Сир. 11, 10); ибо когда мы устремляемся мыслью на многие предметы, то трудно уже бывает нам сосредоточиться на каждом из них вполне. А еще хуже то, когда мы чрез меру увлекаемся и развлекаемся внешними предметами, мало заботясь о внутреннем страхе за себя самих, когда погружаемся всецело в посторонние заботы, а о собственном долге и благе вовсе не помышляем, умеем много рассуждать о других, а самих себя не знаем и знать не хотим. В этих превышающих меру заботах душа наша, подобно путнику, постоянно развлекаемому посторонними предметами, забывает цель, к которой стремится; как бы отчужденная от своих нужд и потребностей, она уже не чувствует тех недостатков, которые терпит, и не замечает тех упущений и погрешностей, в которые впадает. Так, Езекия, конечно, не воображал, что он худо делает и грешит, когда показывал иноплеменникам все сокровища свои и ароматы; но услышал от Исаии, что этот легкомысленный поступок его навлек на него гнев Праведного Судии и обратится в пагубу его потомству (см.: 4 Цар. гл. 20; Ис. гл. 39). Часто бывает с нами, что, когда дела наши по занимаемому нами месту служения умножаются и когда они по видимому идут стройно и ведутся исправно, так что другие и самые подчиненные нам удивляются успешному течению их при таком множестве, в душе нашей в то же время совершается свой суд, обвиняющий и осуждающий нас, хотя во внешних поступках наших и не обнаруживается ничего подобного: ибо судия и подсудимые сокрыты в нас самих. Люди не знают, что там делается, не знают, как грешим мы в сердце своем; но, однако ж, этот неподкупный внутренний судия свидетельствует нам, что мы грешим. И Вавилонский царь не тогда осужден за гордость свою, когда высказал ее в словах; он услышал из уст пророческих это осуждение еще прежде, нежели обнаружил себя. Сначала он, можно сказать, даже наперед заглаждал преступление своей гордости, решившись всем подвластным народам проповедовать Бога Всемогущего, Которого он, по собственному сознанию, оскорбил; но потом, напыщенный успехами своего могущества, в мнимом величии своем вообразил себе, что он превыше всего, и вслед за тем с надменно-стью воскликнул: *несть ли сей Вавилон великий, егоже аз соградих в дом царства, в державе крепости моя, в честь славы моя!*¹² (Дан. 4, 27). В этих словах заключается уже открытое оправдание того гнева Божия, который возжжен был тайной гордостью: ибо Верховный Судия еще прежде незримо для нас видел то, что впоследствии публично осудил и наказал. Таким-то образом Он и обратил сего царя в бессловесное животное, отделил его от общества людей и приобщил к дивиим¹³ зверям, низвратив и ум его, чтобы по праведному суду и по закону справедливого возмездия перестал быть человеком тот, кто возмечтал считать себя выше человека. Впрочем, говоря все это, мы отнюдь не думаем порицать самую власть, а только желаем предохранить слабые души от домогательства оной, чтобы недостойные не дерзали восхищать высоких должностей начальственных, и те, которые не твердо стоят даже на ровном месте, не приближались к стремнинам.

¹² *это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!* – Ред.

¹³ Дивий (церковнослав.) – дикий, лесной. – Ред.

Глава 5

О тех, которые образцовыми дарованиями своими могут быть полезны на высоком посту служения, но убегают одного ради своего спокойствия.

Но есть люди и наделенные особенными дарами благодати Божией, видимо возвышенные пред другими и для блага других великими способностями, люди чистые и неукоризненные по своему целомудрию, крепкие по своему воздержанию, упитанные, так сказать, туком¹⁴ здорового учения, приобвыкшие к смирению великодушным перенесением страданий, носящие как бы на челе своем печать власти, ко всякому благосклонные при своей кротости и вместе строгие по любви к правде. И если такие люди, быв призываемы к высокому посту служения, отказываются от принятия его, то они сами от себя отнимают и губят собственные дарования свои, которые получили не для себя только, но и для других. Помышляя о собственных лишь выгодах спокойствия своего, а не заботясь о пользе ближних, они сами себя лишают тех благ, которые думают найти в частной жизни своей. Вот почему и Сама Истина говорит ученикам Своим: *не может град укрытись верху горы стоя: ниже¹⁵вжигают светильника и поставляют его под снудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине (суть)* (Мф. 5, 14–15). Вот почему и Петру предложен был Спасителем вопрос: *Симоне Нонин, любиши ли Мя?..* – и когда апостол не замедлил ответить, что любит, то тут же сказано было ему: *паци овцы Моя* (Ин. 21, 15–17). Итак, если пастырские труды служат верным свидетельством любви ко Господу, то, и наоборот, кто отказывается пасти стадо Божие, имея к тому потребные способности и самое призвание, тот тем самым явно показывает, что он не любит Пастыреначальника. Потому же и апостол Павел говорит: *аще един за всех умре, то убо еси умроша. Христос же за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 14–15). Так и в законе Моисея постановлено, чтобы остававшийся в живых брат брал в замужество жену умершего бездетного брата и во имя его приживал с ней детей, так что если он отказывался взять ее, то она вправе была плюнуть ему в лицо, а он обязывался снять у себя с ноги своей сапог и вручить ей во свидетельство отречения своего¹⁶ от *ужичества*¹⁷, и затем место жительства его прозывалось *домом изутаго из сапога* (см.: Втор. 25, 5-10; Руфь 4, 7). Наш умерший брат есть Иисус Христос, Который по воскресении Своем, явившись Мироносицам, сказал: *идите, возвестите братии Моей* (Мф. 28,10). Он умер как бы бездетен, потому что еще не исполнилось число избранных. Его-то жену (ихогем), или же невесту Его – святую Церковь, обязывается принять к себе и приютить как бы по жребию (*sortiri graecipitur*) всякий остающийся в живых брат, который в состоянии хорошо править ею и на которого может быть возложено такое управление. А если он отказывается от сего, то оскорбленная невеста плюет ему в лицо: это значит, что святая Церковь, упрекая получивших дары не для себя только, а и для других, но не заботящихся об употреблении их на пользу ближних, наказывает таковых презрением и как бы плюет. Можно сказать, что и у них снимается с ноги сапог и дом их можно назвать *домом изутаго*; потому что, по апостолу, мы должны обути *нозе* свои *во уготовление благовествования мира* (Еф. 6, 15). Посему когда мы столько же заботимся и о ближнем, сколько и о себе самих, то у нас обе ноги обуты бывают. А кто свою только пользу наблюдает, а о пользе ближ-

¹⁴ Тук (церковнослав.) – жир, сласть; здесь: богатство. – *Ред.*

¹⁵ *Ниже* (церковнослав.) – даже ни. – *Ред.*

¹⁶ Здесь неверно: вдова снимала сапог с ноги брата покойного мужа, а не он сам у себя. – *Ред.*

¹⁷ Закон ужичества – брак, обязательный в силу родственной связи между брачующимися лицами. Закон ужичества действовал тогда, когда умирал муж, не оставив после себя потомства; в этом случае оставшуюся бездетную вдову должен взять замуж брат умершего, ее деверь, а первенец, родившийся от этого брака, должен считаться по закону сыном умершего, «чтобы имя его не изгладилось в Израиле». – *Ред.*

них не радит, у того как бы одна нога остается без должного прикрытия. Итак, есть, говорю, некоторые люди, осыпанные богатыми дарами благодатными, которые, однако ж, любя уединение и ограничиваясь собой, уклоняются от общественных занятий, могущих доставить пользу ближним высоким их служением, соответствующим их великим дарованиям, и, удаляясь на покой, отказываются от всяких общественных трудов. Но, судя беспристрастно, они, без всякого сомнения, настолько же делаются виновными, насколько могли бы принести пользы, если бы вступили в общественное служение. И какой тут смысл тому, кто, имея возможность соделаться полезнейшим для ближних своих и многих собратий, предпочитает свою частную выгоду уединения общей много плодной пользе, когда и Сам Единородный Сын Отца Небесного явился в мир из недр Отчих не для Своих каких-либо выгод, а для спасения многих?

Глава 6

О том, что уклоняющиеся от принятия на себя многотрудного общественного служения по своему смирению тогда только заявляют истинное смирение, когда не противодействуют судьбам Божиим.

Правда, есть и такие, которые убегают трудностей общественного служения по одному смирению, чтобы их не предпочли тем, коих они считают более достойными себя. Но таковое смирение, и то соединенное с другими добродетелями, тогда только бывает действительно в очах Божиих, когда оно не упорствует непокорным противлением принятию на себя общепольных обязанностей, возлагаемых на нас свыше. Ибо в том нет уже истинного смирения, кто слышит и понимает волю Божию, зовущую и обязывающую его к начальственному управлению над другими, а между тем пренебрегает этой властью. Истинно смиренный человек, покоряющийся всем распоряжениям Божиим и чуждый всякого сопротивления воли Божественной, когда возлагается на него какая-либо должность правительственная, и у него есть на то довольно дарований, чтобы быть полезным и для других, в душе своей должен избегать почестей и высокомерия, а на деле покоряться призванию, хотя бы то против воли.

Глава 7

О том, что иногда похвально бывает и самому искать проповеднического служения, а иногда похвально принять оное и по принуждению.

Смотря, однако ж, по различным обстоятельствам, иногда похвально бывает, когда одни сами желают проповеднического служения и стремятся к тому, а иногда тоже похвально бывает, когда другие принимают это служение вопреки своему желанию. Это яснее поймем мы, когда рассмотрим и сравним обстоятельства жизни пророков – Исаии и Иеремии, из коих один сам вызвался на дело проповеди, а другой с трепетом отказывался от этого служения. Так, Исаия на вопрос Господа: *кого пошлю, и кто пойдет к людям сим?* – в ту же минуту отвечал: *се, аз есмь, поели мя* (Пс. 6, 8); а Иеремия, когда посылаем был на проповедь, со смирением отклонял от себя это поручение, извиняясь неспособностью своей таким образом: *о, Сый Владыко Господи, се, не вем глаголати, яко отрок аз есмь* (Иер. 1, 6). Так-то различны были словесные ответы сих двух пророков, но как тот, так и другой ответ – оба проистекали из одного и того же источника любви. Любовь же заповедуется нам двумя заповедями: одной – любить Бога, а другой – любить ближнего (см.: Лев. 19, 18; Втор. 6, 5; Мф. 22, 37–40). Поэтому Исаия, желая деятельной жизнью своей содействовать спасению ближних, тотчас изъявил желание и готовность принять на себя должность проповедника; а Иеремия, стараясь чрез созерцательную жизнь более и более утвердиться в любви к Богу, хотел было уклониться от этой должности. Итак, чего один с неукоризненностью искал, от того другой со страхом и глубоким смирением отступал: один опасался, чтобы чрез принятие на себя должности проповеднического служения не лишиться плодов безмолвного созерцания, а другой – чтобы в безмолвии не потерять плодов деятельной жизни. Но здесь в обоих случаях не надобно упускать из виду того важного обстоятельства, что как тот, кто отказывался, совершенно не воспротивился (см.: Иер. 1, 9), так и тот, кто вызвался сам, предварительно очищен был углем горящим *от олтаря*¹⁸ (см.: Ис. 6, 5–8). А этим внушается то, что неочищенный не должен приступать к пастырскому служению, а тот, кого призывает к нему Божественная благодать, не должен неуступчивостью своей противодействовать ей под предлогом смирения. Но так как очень трудно знать каждому о себе, чист ли он, то безопаснее уклоняться от проповеднического служения; только не должно, как мы сказали уже, упорно противиться тому, когда на принятие этого служения очевидно высказывается воля Божия. Моисей в дивном посольстве своем совместил и то и другое, когда и не желал быть вождем многочисленного народа Израильского и, вопреки своему желанию, повиновался повелению Божию. Если бы он принял бестрепетно и с самонадеянностью это посольство, то его упрекнули бы, может быть, в гордости; но он не избежал бы подобного упрека, если бы воспротивился назначению Божию своим неповиновением. И в том и в другом отношении являя смирение и благопокорливость¹⁹, он таким образом и отказывался от начальственного управления народом Божиим, соображая свои недостатки, и принял возлагаемое на него поручение, полагаясь на всеильную помощь Того, Кто его призывал. Из всего этого да познают и уразумеют те, которые опрометчиво стремятся к занятию высоких должностей, до какой степени предосудительно и неизвинительно домогаться предпочтения пред другими, без всякого опасения и страха, когда и святые мужи боялись и трепетали принимать начальство над народом, имея даже на то повеление Божие. Моисей, призываемый Богом, страшится, а какой-нибудь немощный брат наш только о том и думает, как бы предвосхитить тяжелое бремя власти! Всегда готовый пасть под тяжестью и собственных грехов, он еще подклоняет охотно

¹⁸ Олтарь – жертвенник (см.: Исх. 20, 24). Слово «олтарь» в Священном Писании употребляется и о воздвигаемых памятниках в память замечательных событий, и о нарочито устрояемых жертвенниках для возношения жертв. – *Ред.*

¹⁹ Благопокорливый (церковнослав.) – охотно слушающий, послушный, – *Ред.*

вью для принятия чужих! Не в силах он вынести и того, что на нем лежит, а он еще увеличивает свою ношу!

Глава 8

О тех, которые домогаются начальственной власти и в оправдание своего прихотливого стремления ссылаются и опираются на слова апостола (см.: 1 Тим. 3, 1).

Многие, домогающиеся начальственной власти, в оправдание своего прихотливого стремления прибегают к словам апостола, который говорит: *аще кто епископства хоцет, добра дела жelaет* (1 Тим. 3,1), думая найти в них для себя опору. Но апостол, похвалив это желание, тотчас же представляет и опасную его сторону, присовокупляя вслед за тем к своим словам и следующие: *Подобае тубо²⁰ епископу быти непорочну* (1 Тим. 3, 2). А далее он показывает, в чем именно состоит эта непорочность, последовательно перечисляя одно за другим необходимые для пастырей и вообще священнослужителей совершенства (см.: Тим. 3,1-12; Тит. 1, 1-9). Таким образом, апостол и одобряет желание епископства, и устрашает желающих его необходимыми для сего требованиями. Он как бы так говорит: я хвалю ваше желание, но наперед узнайте то, чего вы желаете; иначе, если вы пренебрежете самоиспытанием, то тем постыднее будет для вас укоризненность вашего недостойнства, чем поспешнее взойдете вы на высоту духовных почестей, открытую для взора всех. Как весьма опытный в деле духовного управления, апостол одобрением своим побуждает нас стремиться к этому высокому служению, а изображением трудностей оногo обуздывает в нас всякую поспешность и опрометчивость. Мысль о том, как непорочна должна быть жизнь епископа, имеет целью у апостола предохранить всех и каждого от гордости и самонадеянности; а тем, что похваляет желание этого звания, столь непорочного, он хочет усилить любовь и расположенность к добродетели вообще. Впрочем, нужно заметить, что апостол говорил так в то еще время, когда каждый представитель Церкви своей первый делался жертвой мучителей. Значит, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что с ним соединялась и явная опасность подвергнуться тяжчайшим страданиям. Имея это в виду, апостол и самую должность епископскую почтил названием доброго дела, сказав: *аще кто епископства хоцет, добра дела жelaет*. Таким образом, всякий по себе может судить беспристрастно, имеет ли его желание епископствовать какое-нибудь отношение к истинному епископству, если он смотрит на это звание не как на служение добромy делу, а только как на средство к достижению почестей и славы. Епископское служение есть служение священное; но этой святости его не только не любит, но и вовсе не понимает тот, кто, мечтая только о высоте сана, восхищается втайне мыслью, как другие будут пред ним преклоняться, возвеличивает себя собственными похвалами, дышит одним честолюбием и в восторге от преизбытка всяких прибытков наперед помышляет не о тяжести предлежащих трудов, а о неге и роскоши среди изобилия благ земных. Он ищет мирских выгод в том звании, которое обязано искоренять в людях всякое пристрастие к ним.

Понятно, что такой человек, избирающий самое смиренное служение средством к удовлетворению своей гордости и своим личным видам, внутри будет не то, чем будет казаться извне: из него может выйти не пастырь овец Христовых, а *тать и разбойник, не дверьми входяй во двор овчий, но прелазя инуде*, который под покровом пастырской одежды, подобно волку, *расхитит и распудит* стадо Христово (ср.: Ин. 10, 1-6, 12).

²⁰ Убо (церковнослав.) – итак, Впрочем, следовательно; поистине, подлинно. – *Ред.*

Глава 9

О том, что ищущие власти очень часто обольщают себя воображаемым предположением, что они на занимаемом ими высоком месте служения произведут много хороших дел.

Но часто и очень часто ищущие пастырской власти и начальственного управления в Церкви Божией ищут этого служения потому, что предполагают совершить на этом высоком поприще какие-либо важные и полезные для нее дела; и хотя они ищут этого собственно из желания возвыситься, но успокаивают себя тем, что вот-де они много сделают пользы и для Церкви. Таким образом, суетное, но главное намерение их прикрывается благовидным рассуждением о целях второстепенных, чтобы только успокоить себя. Ибо душа наша легко может обмануться и вообразить себе, что она любит добрые дела, которые не всегда любит, и что она не любит мирской славы, которую между тем не перестает любить. В таком состоянии человек, домогающийся власти, бывает робок, пока еще стремится к ней, а когда достигает желаемого, тогда становится он дерзновенным. Сперва робость его происходит в нем от опасения неудачи, но после того, как он достигает своей цели, в нем тотчас рождается уверенность, что так и должно быть и что он имел на то полное право. Наконец, по достижении им власти, пользуясь и злоупотребляя ею для удовлетворения суетным желанием своим, он охотно уже забывает свои благочестивые и богобоязненные предположения (*quidquid religiose cogitavit*). Поэтому, когда душа увлекается слишком смелыми и необычайными предприятиями, необходимо в то же время обратить взор на прошедшие дела свои: пусть каждый в подобном состоянии поразмыслит о том, как он поступал прежде, находясь в подчинении (*subjectus*), тогда только узнает, способен ли он на те добрые дела, которые предполагает совершить на высоком посту начальственного служения (*praelatus*). Ибо никогда не научится смирению на высоте почестей тот, кто и в низком состоянии не переставал гордиться. Не сумеет он избегать похвал, когда они посыплются ему со всех сторон, если он жаден был к ним и тогда, когда их вовсе не было. Никогда не победит он в себе любостыжания²¹, имея в руках своих способы для поддержания многих, если он и прежде один не умел довольствоваться своим состоянием. Итак, пусть каждый рассматривает прежнюю жизнь свою, дабы в стремлении к высокому сану не обольститься ложными мечтами. Среди многочисленных и многообразных забот пастырского служения, особенно по управлению, человек иногда утрачивает и тот навык к добрым делам, который легко сохранялся у него в тихой частной жизни. Так и на море в тихую погоду и малосведущий корабельщик может хорошо править кораблем; но когда поднимется буря и разъярятся волны, то и самый искусный кормчий может растеряться. А что такое в самом деле высокая власть управления, как не мысленная буря? В ней корабль души нашей постоянно потрясается бурными волнами разных помышлений, непрестанно ударяется то в ту, то в другую сторону, так что ежеминутно грозит ему опасность разбиться и погибнуть от каких-нибудь необдуманных речей языка или поступков дела, подобно тому как на море гибнут от попадающихся на пути непредусмотренных подводных камней. Между тем какому же правилу следовать и какого начала держаться нам в настоящем деле, как не последовать тому, чтобы на высоту пастырского служения волей-неволей восходил тот лишь только, кто богат совершенствами добродетелей, а кто не обладает потребными для сего качествами, тот и не принимался бы за это высокое служение, хотя бы его к тому и принуждали? И потому, кто наделен благодатными дарами, но совершенно отказывается от своего призвания, тот пусть блюдет, чтобы ему не подпасть осуждению за сокрытие своего таланта в земле: ибо оставить в бездействии и

²¹ Любостыжание (церковнослав.) – алчность, корыстолюбие. – *Ред.*

праздности дарования, полученные от Господа, есть то же самое, что закопать талант в землю (см.: Мф. 25,15–30). Атот, кто не только не имеет хороших способностей для управления, но и подвержен слабостям, между тем, несмотря на это, домогается власти, пусть не забывает того, что он своим соблазнительным примером может послужить для ближних только препятствием в достижении Царства Небесного, подобно фарисеям, которые, по словам Божественного Учителя, и сами не входят в него, и другим заграждают доступ (см.: Мф. 23,13). Равным образом надлежит ему помнить и то, что пастырь духовный, принимающий на себя пастырское служение в Церкви Божией, есть вместе и врач душевных недугов. Следовательно, если он и сам одержим таковыми недугами и страждет от них, то как дерзнет он врачевать язвы других, нося язвы сам на лице своем?

Глава 10

Кто может и должен приступать к пастырскому служению и принимать на себя в оном начальственное управление.

Итак, всемерно должно стараться, чтобы на степени пастырей и пастыреначальников поставляемы были в образец жизни для пасомых и подчиненных только такие мужи, которые, умерши для всех плотских страстей, живут уже духом, которые отложили всякое попечение о мирских благах, которые не страшатся никаких бедствий, которые помышляют только о благах внутренних. Вполне соответствуя благочестивым намерениям и стремлениям таковых людей, им не противоречит уже ни тело их под предлогом немощи, ни дух их под предлогом оскорбления. Они не посягают на чужое добро; напротив, они охотно раздают свое собственное. Они всегда готовы от чистого сердца и сострадательной любви извинять и прощать ближнего, не снисходя, впрочем, преступлениям его до слабости, но соблюдая законы правосудия. Они ничего не позволяют себе противозаконного, а противозаконные действия других оплакивают, как свои собственные грехи. Они искренне соболезнуют чужому несчастью, благосостоянию же ближнего так радуются, как бы оно составляло их собственное благо. Во всем, что ни делают они, являют себя пред другими достойным подражания примером, внушая к себе во всех такое уважение, что никто не может упрекнуть их в жизни ничем, за что бы они должны пред ними краснеть. Они стараются жить так, чтобы и самые черствые и закоренелые души ближних могли размягчаться и умиляться исходящим из уст их благодатным учением, оправдываемым ими на самом деле. Они, как опытные в молитве, из прежних примеров жизни познали уже, чего могут просить и чего не должны просить, и потому могут получить от Господа все, чего бы они ни попросили; им-то, как бы в особенности, и слышится этот отрадный глас Божий: *и еще глаголющу ти, реку: се, приидох* (ср.: Ис. 58, 9; 65, 24). Таковы именно должны быть пастыри и пастыреначальники! Ибо когда и к нам кто приходит с просьбой ходатайствовать за него пред тем или другим начальником, который на него разгневался и недоволен, но нам не знаком коротко, то мы тотчас отвечаем ему: «Нет, любезный, нельзя нам ходатайствовать за тебя пред этим господином, потому что мы и сами не пользуемся его особенным благоволением». Если же, таким образом, и человек пред человеком, на которого мало надеется, не отваживается быть ходатаем за кого бы то ни было, то как дерзнет брать на себя ходатайство пред Богом за грехи народа тот, кто не знает и не уверен, заслужил ли он жизнью своей благоволение Божие к себе самому? Или как он будет просить у Него прощения и помилования для других, если не надеется получить от Него прощения и помилования самому себе? Тут надобно опасаться, чтобы вместо предполагаемого умилования не подвигнуть Господа на больший гнев из-за своих грехов; ибо все мы хорошо знаем, что когда и пред людьми берется ходатайствовать такое лицо, которое им не нравится, то гнев их чрез то лишь больше усиливается. Итак, кто еще не отрешился совершенно от земных страстей, тот пусть остерегается принимать на себя звание посредника или ходатая в Церкви Божией; иначе он своим предательством может больше и больше возбудить гнев и раздражить Верховного Судию на занимаемом им месте и вместо примирения с Божественным Правосудием может повергнуть паству свою в совершенное разорение.

Глава 11

Кто не должен приступать к пастырскому служению, а тем более принимать на себя начальственное в оном управлении.

Рассмотри же беспристрастно каждый, приступающий к пастырскому служению, а тем более принимающий на себя начальственное в оном управлении, нет ли в тебе каких-либо предосудительных недостатков и даже пороков, избличающих твою нечистоту и греховность; ибо, повторяю, тому нельзя даже помышлять о ходатайстве за грехи других, кто не очистился от своих собственных. Посему-то и Моисею дано было свыше такое повеление: *рцы ко Аарону, глаголя: человек от рода твоего в родех ваших, аще коему будет на нем порок, да не приступит приносить даров Божиих и ко олтарю да не приблизится, яко порок имать*; и вслед за тем подробно исчисляет самые недостатки или пороки, которые не допускались лично в жрецах, именно: *человек слеп или хром, или корпосый... или человек, ему же есть сокрушение руки или сокрушение ноги, или горбат, или гноеточив очима, или бельмоочен, или человек, на немже суть красты дивия²², или лишай, или единойтрный²³* (Лев. 21, 17, 23, 18–20). Слеп же в духовном смысле есть тот, кому не знаком свет высшего созерцания, кто, подавляемый мраком настоящей жизни, хотя и видит озаряющий его свет, но, не любя его, не знает, куда направить свою деятельность. Поэтому Анна, мать Самуила, посвящая первенца своего Господу, в пророческом духе воскликнула: «Стопы праведников Своих оправдает Он, а нечестивые умолкнут во мраке и неведении» (см.: 1 Цар. 2,9). *Хром*

²² Краста дивия (церковнослав.) – злокачественная чесотка, сыпь на коже (см.: Втор. 28, 27). – *Ред.*

²³ Единойтрный (церковнослав.) – имеющий одно яйцо (см.: Лев. 21, 20). – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.